

С. С. Юшкевичъ

(1869 — 1927).

Я много лѣтъ зналъ покойнаго Семена Соломоновича, но впервые его «почувствовалъ» какъ слѣдуетъ и, быть можетъ, понялъ, лѣтъ десять назадъ, въ Москвѣ, — мы встрѣчались довольно часто въ пестромъ и шумномъ предреволюціонномъ кафе Бома. Большой лобъ Юшкевича, большія руки, уши, нервный и горячій говоръ, удивленные, свѣтлые и добрые глаза съ очень дѣтскимъ отѣнкомъ живо помнятся среди мягкихъ дивановъ Бома, въ накуренной комнатѣ, гдѣ встрѣчались прапорщики, писатели, актеры, вѣчно были разныя дамы. Юшкевичъ всегда горячился и всегда спорилъ, со страстью утверждалъ свое. онъ очень любилъ разговоры о литературѣ, кипѣлъ беззавѣтно и самымъ искреннимъ образомъ воспламенялся... Именно тогда я увидѣлъ въ немъ «нашего», очень, навсегда отравленнаго литературой — а значитъ, сотоварища. И добрую его природу тогда же почувствовалъ.

Эти впечатлѣнія потомъ только подтвердились. Въ эмиграціи еще чаще приходилось съ нимъ встрѣчаться. Онъ такъ-же любилъ шумно и горячо говорить о литературѣ, хохотать, сидя въ дружеской компаніи за бутылкой вина, и еще яснѣй раскрылась (для меня) одна его прекраснѣйшая, трогательная черта: безпредѣльная, воистину «неограниченная» любовь къ семьѣ — женѣ, дѣтямъ. Даже казалось, что его жизнь вообще ориентирована по этимъ близкимъ, что и слава, и возможность заработка интересны не столько для писателя Юшкевича, сколько для Юшкевича-мужа и отца.

Но одной стороны раньше я въ немъ не зналъ, или, можетъ быть, на чужбинѣ она сильнѣй выступила: это общая горечь отношенія къ жизни, пессимизмъ, безнадежность. Сыграло-ли тутъ роль изгнаничество? Надвигавшаяся болѣзнь, упорно направлявшая его мысль къ разсужденіямъ о смерти? Или дало себя знать безысходно-материалистическое его міросозерцаніе?

Какъ бы то ни было, за шумностью, нервностью, иногда и за смѣхомъ Юшкевича въ Парижѣ или въ Жуанъ ле Пэнъ (гдѣ такъ дружественно и безконечно привѣтливо принималъ онъ насъ съ Бунинымъ этимъ лѣтомъ!) — всюду ясно чувствовался какой-то «хриплый рогъ». Смерть-ли это давала ему сигналы?

Онъ очень тосковалъ по Россіи, и тяжелѣй другихъ переносилъ изгнаніе. Тутъ приближаемся мы къ его писательскому облику.

Юшкевичъ нерѣдко говорилъ (мнѣ и Бунину):

— Вамъ хорошо, вы рождены Москвой, а я Одессой.

Этимъ хотѣлъ сказать, что его родина, которую онъ такъ любилъ, и съ которой такъ тѣсно былъ связанъ, югъ Россіи, іерархически какъ-бы подчинена, второстепенна рядомъ съ Великороссіей.

— За вами цѣлая великая литература, кричалъ онъ иногда. — Россія! Какой инструментъ языка!

Тутъ онъ былъ и правъ, и неправъ: правъ въ іерархическомъ предпочтеніи Москвы Одессѣ, и неправъ въ мрачныхъ выводахъ о себѣ: самъ-то онъ очень ярко и сильно выражалъ южно-русскій народъ, русско-еврейскій — и въ этомъ была главная его сила, какъ художника. Такъ Мистраль, (съ которымъ у Юшкевича ничего нѣтъ общаго въ натурѣ), выражалъ свой, южно-французскій, провансальскій народъ съ такимъ геніемъ, которому-бы позавидовалъ всякій сѣверный французъ.

Да, Юшкевичъ былъ писатель «регіональный». Лучшее въ его писаніи связано именно съ русскимъ югомъ, съ Одессой, съ ея живымъ, нервнымъ, говорливымъ и бур-

ливымъ народомъ. Юшкевичъ, будучи евреемъ, нерѣдко будто бы свресвъ задѣвалъ въ своемъ писаніи, давалъ такъ называемые «отрицательные типы» («Лсонъ Дрей») и даже, кажется, въ сврейскихъ кругахъ это ему ставили въ нѣкій минусъ. Если стоять на этой точкѣ зрѣнія, то слѣдовало-бы нашего Гоголя совсѣмъ заклевать — ужъ кажется ни одного порядочнаго русскаго на сценѣ не показать. Конечно, у Юшкевича была сатира, (и кстати, онъ какъ разъ Гоголя очень цѣнилъ, и самъ весьма тяготѣлъ къ гротеску) — но подо всѣмъ этимъ, конечно, пламенная, кровная, органическая любовь къ своему народу. Юшкевичъ былъ органическій писатель, въ этомъ его главная сила, онъ достигаетъ наибольшаго тогда, когда живописуетъ художнически-любомыхъ имъ людей Одессы, когда даетъ неподражаемый ихъ языкъ, трепеть и нервность, и неправильность этого языка, и ихъ облики, сплошь живые.

Вотъ потому, что онъ былъ такой кровный и настоящий, ему пришлось столь трудно заграницей, въ томъ Парижѣ, который онъ зналъ съ молодости, — но гдѣ нѣтъ Одессы. Въ одномъ небольшомъ его очеркѣ, уже здѣсь, въ эмиграціи, трогательно и ярко изображена тоска двухъ одесситовъ по Одессѣ. Все тутъ хорошо, а тамъ лучше, и акаціи, и море, и Франкони... Если угодно, это древній плачъ на рѣкахъ вавилонскихъ. Возможно, что въ каждой сврейской душѣ есть тоска по Землѣ Обѣтованной и горечь безродности. Для Юшкевича жизнь такъ сложилась, что на склонѣ лѣтъ солнечная и веселая, разноязычно-пестрая и яркая Одесса была отнята у него, и его плачъ сталъ еще произительнѣй.

Совсѣмъ, совсѣмъ недавно мы сидѣли съ нимъ на берегу Средиземнаго моря, подъ пиніями, въ солнечномъ дыму каннскаго залива, и онъ искренно всѣмъ этимъ восторгался, но сердце неизмѣнно направлялось на Россію, и никакими Каннами утѣшить его было нельзя.

А тому назадъ мѣсяцъ со вздохомъ кинули мы по пригоршнѣ латинской земли въ могилу на прахъ нашего дорогого сотоварища, талантливаго и честнѣйшаго писателя, добрѣйшей, открытѣйшей души чловѣка.

Вѣчная ему память!

Бор. Зайцевъ.